

Сторонний взгляд на чувашей

Составитель этой книги Хведер Уяр еще в юные годы заболел собирательством. Редкий книголюб запоминал и сохранял все, что когда-либо было написано и напечатано русскими писателями о чувашах.

“Мне сейчас много-много лет. И поныне читаю и собираю материалы о своем народе. Я собираю эти материалы всю жизнь. И еще на примете книг десять-двенадцать. А может, и больше. Кажется, что забыл рассказы два-три Александра Неверова. Чудится, что должны быть они у Дмитрия Мамина-Сибиряка...” Вряд ли успел мастер слова реализовать до конца задуманное, перепроверить все источники. Но и реализованное создает впечатляющую картину чувашского мира, изображенного русскими писателями на почти 500-летний отрезок времени, начиная с времен походов русских войск на Казань. “Дав клятву верности России, – говорит Карамзин, – их князья, мурзы и сотники в течение всего лета непрестанно ездили в Москву, обедали во дворце и, награждаемые шубами, тканями, доспехами, конями, деньгами, славили милость царя и хвалились новым отечеством. Государь сыпал тогда серебро и золото, не жалея казны для исполнения великих намерений”.

Если бы составитель поддался соблазну и включил в сборник только тех авторов, кто лестно высказывается о чувашах, книга получилась бы односторонней. Сборник выиграл за счет полноты картины, в нем отведено место самым разным оценкам, мнениям и точкам зрения. Мимолетные замечания, увиденное поверхностным зрением соседствуют и чередуются с глубокими наблюдениями и пронзительно точными оценками. Вот несколько режущих глаз контрастов.

“Главное их упражнение в

хлебопашестве... но ремесел и рукоделий не знают”, – пишет о чувашах К. Милькович. Тут же подобная неосведомленность опровергается А. Минихом: “Это – огненно-южные узоры, похожие на древние орнаменты, бессмертные, известные во всем мире чувашские вышивки, “гера”, которые, подобно произведениям египетских мастеров, рассчитаны на то, чтобы прожить века”. И добавляет: “Острое чутье звука и цвета, чутье, не допускающее никакой фальши, является у чуваша чем-то вроде шестого чувства”. Скорее всего, не ко времени заехала А. Фукс в чувашскую деревню, иначе бы она не написала: “Хороводов у них не бывает, и молодежь забавляется только пляскою”. Нет, это неправда, говорит Н. Гарин-Михайловский, перед которым хоровод чувашских девушек предстал в первозданной природной красе и прелести: “Подойдя, девушки взяли за руки, составили большой круг и начали петь: это было такое оригинальное и пение, и зрелище, каких я никогда не видал... Что оперы, что романсы? Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о проносившихся веках? Разве передадут они эту песню народа, две тысячи лет сквозь всю ломку пронесшего с собой яркий образ прежней жизни? Разве можно выдумать такую песню?”

Очерки, рассказы, эссе, фрагменты романов, повестей, драматургические опыты русских литераторов сегодня воспринимаются как зеркальное отражение далекого и не очень далекого прошлого чувашского народа, самых разных сторон его жиз-

ни. В них вырисовывается портрет чуваша, его физический и духовно-психологический облик. Создается иллюзия, будто все авторы рисовали это полотно одной кистью, создавая коллективный портрет целого народа, дополняя, поправляя и углубляя мысль своих предшественников. При этом, как говорит поэт: “Сотри случайные черты и ты увидишь мир (чувашский) прекрасен”. Сегодня, пожалуй, необходимо поблагодарить даже тех, кто в силу предубеждения или особенностей мировосприятия внес в разное время в этот портрет неверные штрихи и краски. Причину этого явления К. Ясперс объясняет так: в людях мы видим лишь то, что позволяют увидеть наши внутренние качества. Некоторые муссируют клишированный портрет чувашской женщины, выпячивая “азиатские” черты. Но именно в этом видит особый шарм А. Радищев: “Чувашские бабы хороши собою...” О трудолюбии чувашей, о их верности слову и долгу, гостеприимстве и доброжелательности, национальной и конфессиональной терпимости писали А. Пушкин, Л. Толстой, В. Короленко, С. Аксаков, В. Немирович-Данченко, М. Горький, С. Есенин, Л. Леонов и многие другие.

В этой книге перед нами не автопортрет, а определяющие черты, детали и контурный рисунок в портрете чувашского народа увиденные “извне”, схвачены русскими художниками слова, что не является сомнением чувашей о самих себе. А это обеспечивает содержанию книги удвоенный запас доверия.

Ю. АРТЕМЬЕВ.